

Рокси НОКС

**КАВКАЗСКИЙ
ОТЕЦ ПОДРУГИ.**
Под запретом

18+

Рокси Нокс

Кавказский отец

подруги. Под запретом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72853727

SelfPub; 2025

Аннотация

Он – отец моей подруги, и мой профессор. Две роли, которые делают его недоступным.

Он смотрит сквозь меня, видя лишь легкомысленную студентку, не достойную и взгляда. А я... я боюсь признаться себе в том, как сильно меня к нему тянет.

Смогу ли я справиться с этим наваждением, пока оно не разрушило мою дружбу и не уничтожило меня саму?

Запретная любовь – опасная игра, в которой я рискую потерять все.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Рокси Нокс

Кавказский отец подруги. Под запретом

Глава 1

Захожу в прихожку, включаю свет и... натыкаюсь взглядом на мужские кроссовки.

Черт! Он вернулся с вахты. Какого лешего?

Виктор выходит навстречу с бутылкой пива в руке, его глаза пьяно блестят:

– Привет, скучала по мне, малышка?

– Я в прошлый раз матери ничего не сказала, но, если снова полезешь – я ей всё расскажу.

– Да ладно тебе. Че так встречаешь грубо? Почему жрать в холодильнике нечего? Не готовила, что ли? Каких-то древних пельменей пришлось сварить.

– Не ждала потому что, – буркаю в ответ. – Почему вернулся раньше?

– Так сложилось.

– Уволили, что ли?

– Типа того. Посрался там с одним... нос ему сломал. Выперли.

– Ну, нормально так. Мать знает?

– Нет, еще не звонил ей. И ты пока молчи.

Иду в свою комнату, отчим следует за мной по пятам.

– Чего тебе? – спрашиваю через плечо.

– Поговорить с тобой хочу. Давно не виделись.

– С бутылкой поговори. А мне собираться надо.

– Куда идешь?

– На день рождения к подруге.

– Меня с собой возьмёшь? – улыбается пьяненько.

– Нет! – захлопываю дверь, пока он не успел войти, и запираюсь на замок.

Чертов мудака! Теперь покоя не будет. Мать сама на вахте, вернется только недели через две. И похоже, мне придется делить пространство с этим... Виктором.

Весело, да.

Надеваю юбку и топ, которые приготовила заранее. Прическу делать не буду – некогда уже. Просто затяну волосы в конский хвост. Капельку духов на запястье.

Выхожу в коридор.

Отчим встает из-за стола и идет ко мне.

Надо сваливать!

– Так вкусно пахнешь. Сладко, – ведет носом у моей шеи.

– Мне некогда, – шарахаюсь от него и сую ноги в свои единственные туфли на каблуке. Купила я их явно в какой-то горячке, шпилька тонкая и длинная. Красивые, но неудобные. Придется потерпеть, потому мои балетки приказали

долго жить.

– Выглядишь секси, Алка.

– Отвали, а! А то матери позвоню.

Угроза действует на Виктора, он отступает. Хотя и не перестает пялиться. Надеюсь, к моему приходу он будет уже дрыхнуть мертвецким сном. Специально задержусь подольше, чтоб уж наверняка в коридоре с ним не пересечься.

Едва успеваю на последний траллик, заскакиваю в него почти на ходу. Проезжаю пару остановок, выхожу. Мои девочки уже пьют винишко на разогрев у ресторана. Обычная практика, когда у тебя нет денег на алкоголь, которых в заведениях продается по стоимости крыла самолета.

– Красотка! Будешь? – Света протягивает мне невскрытую баночку.

В другой раз я бы отказалась, не люблю алкоголь и отношусь к нему отрицательно, но не в этот раз. Возвращение отчима разрушило все мои планы. Мне так нравилось жить одной! Нет, я не делала ничего такого, не собирала у себя друзей и вписки. Я... наслаждалась тишиной и одиночеством.

Когда мать и отчим дома, начинается ад. Они ругаются, иногда дерутся. Я уже сто раз просила маму выгнать Виктора, но она не хочет. Любит его, видите ли! А мне приходится терпеть его сальные взгляды и пошлые намеки. Перед вахтой он чуть не перешел черту, попытался в трусы ко мне залезть! Скот вонючий!

Допив по баночке газированного напитка, заходим в ре-

сторан. Мы с девочками всегда отмечаем дни рождения скромно. В клубы не ходим и приключения на свой зад не ищем.

– А эта дочь профессора Паскуды, забитая, ужас, – говорит именинница Катя. – Я ее хотела позвать с нами, так она даже испугалась. Папаша держит ее в ежовых рукавицах.

– Она нормальная, – вступаюсь за девчонку, вспоминая, как месяца два назад встретила ее на лестнице ревушей.

– Че реведем? – спросила я, садясь рядом с ней.

– Отец достал! – ответила Самира с ненавистью.

Я понимающе кивнула в ответ. В те дни меня доставал отчим, так что я понимала ее как никто другой.

– Мне никуда нельзя выходить, – продолжила жаловаться девушка. – Я вынуждена носить платок. Надо мной ржут однокурсники, заматашкой за спиной обзывают. Спорят рыжая я или темная. И какого цвета у меня волосы в трусах и в подмышках. Типа, кавказские девушки, не следят за собой, заросшие ходят. Но это не так! Я ухаживаю за собой!

– Да не слушай ты их придурков!

С этого дня мы стали не то, чтобы подругами, но общались часто. Самира продолжала жаловаться на отца, а я выслушивала ее. В такие моменты я чувствовала себя лучше.

Понимаю, странно. Но, общаясь с ней, я осознавала, что не одна я херово живу, и на свете полно несчастливых людей. Это действительно успокаивало и придавало мне сил.

– Аллусь, о чем задумалась? – спрашивает Света.

Мы вышли во двор, подышать и выпить еще по баночке вина. Оно стало теплым и невкусным, лежа в сумке, поэтому я поставила его на перила.

– Виктор вернулся.

– Да ты что? И что теперь? Мож у меня поживешь?

– Ну куда у тебя, Свет? Вы же бабушку лежачую забрали. Ничего он мне не сделает. У меня на двери замок надежный. Будет буянить – вызову ментов. Он знает, что я ему не мать. Не позволю к себе домогаться.

– Знает то знает, но чует мое сердце не просто так он вернулся.

– Да выперли его с работы. Вот и приехал по месту прописки.

– Ох, черт, не оборачивайся, Ал, там профессор Паскуда! – Света суетливо прячет банку с вином в сумку. – Авось не заметит нас.

Мы обе знаем, что дотошному преподу ничего не стоит сообщить в деканат, что он видел нас с алкоголем. Несмотря на то, что мы совершеннолетние, в нашем ВУЗе такое поведение порицается.

Мне всегда было интересно, как профессор Шерханов выглядит вне учебных стен. Такой же строгий и чопорный?

– Где? – оборачиваюсь и нечаянно задеваю свою банку, которая стояла на перилах, локтем.

Банка падает, ударяется об тело нашего препода, и розовое вино растекается по его рубашке...

Мне конец.

Глава 2

Булат Муратович поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Он может подумать, что я скинула на него напиток специально. Это еще хуже, ведь он ведет кучу предметов, без которых мне ни за что не закрыть сессию.

Вот попала!

– Булат, вот салфетка, – слышу писклявый женский голосок и узнаю в его спутнице Жанну Николаевну Гринченко, или просто Грымзу, она тоже преподает в нашем институте.

У него с носатой истеричкой роман? Вот прикол!

– Булат Муратович, простите нас, – говорит Света умоляющим голосом, а я молчу. Судя по его взгляду, прощения не будет. Вопрос лишь в том, какое наказание последует, и слова уже ничего не решат.

– Астахова, Пронина, завтра жду вас в деканате после последней пары. Не опаздывайте, – отвечает профессор Шерханов холодным голосом.

Он ведет свою любовницу к машине, открывает ей дверь. Потом садится сам и уезжает.

Из ресторана выходят девчонки и спрашивают, что это с нами, почему мы такие бледные. Когда мы им рассказываем, что случилось, они качают головой и выносят вердикт: нам писец!

Нас не просто поймали с вином, мы облили профессора

этим самым вином! То есть я. Да, конечно, завтра же я возьму вину на себя и не буду подставлять Свету. Она не виновата в том, что я такая неуклюжая. Хотя если бы подружка не сказала, что там профессор Паскуда, я не бы не стала делать неловких движений. Что уж теперь? Что будет, то будет.

– Девочки, я домой, хватит с меня на сегодня, – объявляю, смотря на часы.

Уже одиннадцать, пока до дома доберусь, будет уже полночь. Самый сон для слабаков типа Виктора.

Прощаюсь с девчонками, иду по улице пешком. Люблю гулять, но не каблуках. Кажется, мозоли натерла. Каждый шаг дается с трудом. Больно-о. В конце концов, плюнув на все, скидываю туфли и иду босиком. И пофиг, что уже осень.

Слышу, тормозит машина.

– Астахова, ты настолько пьяна, что забыла, какой на дворе месяц? – слышу властный голос профессора Шерханова.

– Я не пьяна, профессор.

– Садись в машину. Есть разговор.

Ух, отчехвостит прямо сейчас, без участия декана? Может и к лучшему? Выслушаю лекцию, а завтра он и не станет вспоминать.

– К вам?

– Нет, в следующий за мной Джип, – язвит Булат Муратович. – Они уже просигналили мне два раза, и, если я не съеду с дороги, у нас будут проблемы.

– У вас будут проблемы.

– Астахова, твои проблемы точно не сравнятся с моими.
Мда, это уж точно.

Обхожу тачку и сажусь на переднее сиденье. Отмечаю, что на преподке другая рубашка, значит переоделся, и от Жанны Николаевны уже избавился. А как же свидание в отеле после прогулки? Кстати, они что, правда в сквере гуляли? По крайней мере, вышли оттуда.

Вот жмот, мог бы даму и в ресторан сводить. Наверное, профессор Паскуда тоже из тех мужчинок, кто считает девушек тарелочницами.

– Я вас слушаю.

– Ты знаешь, что пить алкоголь в твоём возрасте... – начинает он занудно, и я закатываю глаза.

Отключаюсь, думая о своем, пусть болтает о вреде алкоголя, сколько влезет. Я-то знаю, что выпила самую малость. В этой проклятой банке всего триста миллилитров, и цирроз печени мне уж точно не грозит.

– Ты меня слушаешь вообще? Я тебе вопрос задал!

– А, да? Какой вопрос?

– Так, ясно. Ты почти в отключке. Я вынужден поговорить с твоими родителями.

– Не выйдет. Мать на вахте.

– Ты живешь одна?

– До сегодняшнего дня жила.

– Как это понять? – спрашивает раздраженно.

– Неважно. Не получится поговорить с родителями, вот и

всё. Но я обещаю вам, что исправлюсь. Всё, больше ни капли в рот не возьму – торжественно клянусь.

Он смотрит на меня с подозрением, не прикалываюсь ли я над ним?

– Готовься к семинару, Астахова. Я обязательно вызову тебя к доске, но по какой теме – не скажу. Учи все пять.

– Ну, супер.

– Мозг надо насыщать знаниями, а не алкоголем.

– Да поняла, я. Поняла. Я могу идти?

Он бросает на меня раздраженный взгляд.

– Спокойной ночи, Астахова.

– Спокойной ночи, профессор П... Шерханов.

Захожу домой и с ненавистью смотрю на кроссовки Виктора. Как же без него было хорошо! Хочется пнуть обувь ногой, но сдерживаюсь, чтобы не наводить шум.

На цыпочках пробираюсь к своей комнате, берусь за ручку двери и слышу:

– Нагулялась? Ну и что за паскуда на иномарке тебя привез?

– Ты прав, он Паскуда.

– Зачем катаешься с такими?

– Это мое дело. А ты почему не спишь?

– Ждал тебя.

– Зачем?

– Соскучился.

Виктор вталкивает меня в мою комнату, и я ору:

– Ты че обалдел?! Здесь моя территория!

– По рукам пошла? Зачем ты это делаешь? Чтобы меня позлить, да?

– Ты сумасшедший? Ты муж моей матери, алло! Ты мне никто.

– Спала с ним? Отвечай: спала?! – бьет ладонью в стену рядом с моей головой, и я вздрагиваю.

– Не ори на меня. Не имеешь права!

– Мне не дала, а какому-то папику перепало?! У него машина крутая, я засек марку и номер, так и знай. Мамаша твоя завтра узнает, что ты больше не целка. Но, если хочешь, чтобы я молчал, можем порешать мирно, – проводит пальцами по моей груди.

– Руки убрал! – рывкаю. – Че решать-то, а? Это мой препод был. Пробей, если не веришь, по номерам. Ты же их запомнил!

– С преподами тоже трахаются.

– Но не я.

– Алла... – Виктор валит меня на кровать и нависает сверху, – у меня бабы так давно не было. Хочу тебя, звездеч как. Ты такая вкусная... Алл... Ну че ты как маленькая? Уже не целка, по рукам пошла, теперь-то терять точно нечего. Можешь и мне дать разок. Не будь жадиной.

– Пошел ты!! Слезь с меня придурок! – бьюсь под ним. Толкаю его в живот и пытаюсь оттолкнуть ногой. Но он сильный, зараза.

– Дай мне! Не будь сукой! Алла! – рычит зверем.

– Отвали! Я все матери расскажу.

– А я скажу, что ты шлюха, сама меня соблазнила.

– Ах ты... гад!

– Это будет наш с тобой маленький секрет, – отчим слюнявит мне шею, а затем пытается поцеловать в губы.

От него разит спиртным, фу, меня сейчас вырвет!

– Пусти, больной! – бью ему коленом в пах и кусаю его за плечо.

– Ах ты тварь! – со всей дури бьет кулаком в подушку. Думала, меня по лицу ударит. – Что ты бережешь свою ватрушку, как будто она у тебя из золота сделана? Нихера она не золотая! Ты дешевка, Алка! Как и твоя мать. Только строите из себя королевен!

На удивление отчим скатывается с меня. Его спортивные штаны топорщатся в паху, волосы всклочены, жалкое зрелище.

Молчу в ответ, чтобы его не провоцировать.

Накрываю себя пледом и жду, когда он уберется из моей комнаты. Он, конечно, debil, но насиловать не будет. Понимает, что я накатаю на него заяву. Ему всего тридцать пять, не хочет гнить в тюрьме. Только это его и останавливает.

– Ты только за бабки трахаешься, да? Будут тебе бабки, Алка. Я достану. Всю твою кровать усыплю баблом, и тогда не отвертишься. Раздвинешь ноги, как миленькая.

С этими словами Виктор убегает с моей территории.

Сразу же встаю и запираюсь. Приваливаюсь спиной к двери и вытираю с шеи его слюну.

Собака противная!

Надо что-то думать. Здесь мне не будет жизни. Не будет.

Глава 3

Утром, когда я уходила в институт, Виктор еще спал, подложив под себя подушку. Вспоминать о том, чтобы было вчера, не хочется. Он просто напился, вот и полез. Вернется мать, и я ей все расскажу, как есть.

– Привет, Аллочка! – приветствует меня Самира во дворе ВУЗа.

Я чуть мимо нее не прошла, погруженная в свои мысли. Она как обычно в хиджабе, без косметики, в скромном платье. Ее папаша конечно садист, раз заставляет ее носить эти вещи в современном городе. Так-то Самира умная и симпатичная девочка, но стала изгоем из-за своих традиций. В институте никто так, кроме нее, не ходит.

Около полугода назад они приехали в наш город с Кавказа. Как я поняла, профессора пригласили преподавать у нас, и он согласился сменить место жительства.

Матери у Самире нет – умерла три года назад, несчастный случай, так что заступиться за нее некому. Но я хоты бы могу отбивать насмешки придурков в ее адрес!

– Эй, тебе не жарко? – спрашивает у Самире один из задиристых одноклассников. – Мож разденешься? – хватает кончик ее платка и дергает, пытаюсь сорвать его с головы.

– Ты охренел, Белов?! – воплю, набрасываясь за наглеца. – Ей прилюдно снять платок позор, идиот безмозглый! – на-

ношу ему удары по плечу.

За Самиру, за себя!

Меня перемыкает, и я думаю, что это отчим, а не пацан безобидный. Бью в полную силу по лицу.

За Самиру, за себя!

– Ал, да ты чего? Я так, пошутил ведь...

– Алла, хватит! Хватит! – кричит Самира.

Прихожу в себя, перед глазами спадает пелена, и я вижу кровь на носу задиры Белова. Черт, я разбила ему нос...

Так разозлилась, что не соображала ничего. Перед глазами темнота образовалась.

– Еще раз полезешь к ней, будешь иметь дело со мной, – говорю хрипло.

Смотрю исподлобья, как вокруг собирается народ. Кто-то дает Белову салфетку.

– Алл, надо идти, – Самира тащит меня в здание.

Мы идем в туалет, где я умываюсь и с недоумением рассматриваю сбитые костяшки пальцев. Что на меня нашло? Я реально подумала, что дерусь с отчимом.

– Ничего себе, ты его избила.

– Я подумала, что он – другой человек. Которого я ненавижу.

– Кто это человек?

– Забей. Никто.

– Астахова, вас вызывают в деканат, – слышу по громкоговорителю из колонок. – Алла Астахова, срочно пройдите

в деканат.

– Я пошла, – вытерев лицо, бросаю бумажное полотенце в мусорку.

– Пойти с тобой?

– Нет, что ты сделаешь?

– Мой папа – профессор. Ты забыла? Использую его связи и защищу тебя, как ты защитила меня, – Самира берет меня под руку.

– Ну, спасибо тебе. Пошли, коль не шутишь.

Заходим к декану, там, конечно, уже сидит Белов с ватными тампонами в ноздрях и страдающим взглядом.

Меня же не отчислят, нет?

Декан зол, аж вена на лбу вздулась.

– Шерханова, вы свободны, – пытается сбегать Самира.

– Нет, я хочу рассказать, как было! – отвечают она. – Алла ни в чем не виновата.

– Как же не виновата? – кривится декан. – Мальчишке нос разбила. Махала кулаками, дралась, это видели десятки студентов. Есть видеодоказательство.

Гребанный Виктор, это все из-за него. Я думала, что быю его! Проклятье!

– Простите, я... – бормочу.

– Белов пытался сорвать с меня хиджаб, – объясняет подруга. – А Алла, она встала на мою защиту и объяснила, что для кавказской девушки остаться без платка на людях – это смерти подобно.

– Ну и нравы, – буркает себе под нос декан. – То, что она защитила вас, не снимает с нее вины за разбитый нос.

– Прошу вас, не отчисляйте меня, – смотрю на злющего декана жалобно.

Я готова унижаться перед ним, лишь бы не вылететь из ВУЗа. На колени даже встать могу перед этим дедом, если поможет.

В кабинет входит профессор Шерханов, смотрит на дочь, потом на меня, наконец, на несчастного Белова.

– И что здесь происходит? – интересуется он вкрадчиво. – Что опять натворила Астахова?

Ч-черт, вот сейчас он расскажет про вчерашний алкоголь, и меня точно попрут. Такие студентки, как я, позорят институт, значит им здесь не место.

Шерханов, миленький молчи...

Я сделаю всё, чтобы он не сдал меня. Даже встану перед ним на колени и...

В голове появляется пошлейшая отвратительная картинка, которая заставляет меня покраснеть лицом.

Я зачем-то представила, что отсасываю Булату Муратовичу в обмен на молчание.

Какая глупость! Какая дурь!

Этот каменный человек не берет натурой. А те девушки, что осмелились предложить ему себя в обмен на запись «зачтено», уже учатся в другом институте. Без вариантов.

– Видите, как ей стыдно?! Она больше не будет, – Сами-

ра обращает внимание присутствующих на цвет моего лица. Знали бы они, из-за чего мне стыдно – точно бы выперли!

Профессор Шерханов усмехается, явно думая, что я играю, но пока молчит, не топит меня окончательно.

Пока я фантазировала о том, как куплю молчание профессора ртом, дочь ему рассказала, как я мужественно защищала ее честь. Видимо, только это меня и спасло.

Он вступился за меня.

Пообещал декану, что обратит пристальное внимание на мое поведение и, если я что-то совершу порочащее, то он сразу оповестит деда.

Я извиняюсь перед Беловым и хлопаю его по плечу – дело вроде бы замято. Пока еще учусь.

Фух, это было очень нервно!

Выходим из кабинета, расходимся. Профессор Шерханов открывает рот, чтобы что-то мне сказать, но почему-то передумывает, грозит мне пальцем и уходит.

Смотрю ему в спину. Темно-синий костюм сшит на заказ, массивное золото висит на шее. Высокий, стройный и крепкий. А он хорош собой! Необычный... Ни на кого не похожий.

Знаю, что многие девчонки заглядываются на Булата Муратовича, но все знают, какой у него дикий нрав.

Он не крутит романы со студентками. Это не в его правилах.

Ощущаю в желудке сосущую пустоту. Я не позавтракала

утром, сбегала от Виктора. Принимаю решение купить булочку в столовке и пропустить десять минут занятия.

В очереди на меня оглядываются, обсуждают. Мда уж, заработала себе репутацию драчуни. Никогда не доводила конфликты до драк. Никогда! А тут с катух слетела. Понятно из-за кого.

Я ночью плохо спала, боялась проснуться и увидеть на себе пыхтящего отчима. Замок-то на двери есть, но вдруг этот гад сможет открыть его ножичком?

Надо валить из дома! Только куда? Куда?!

– С тебя шестьдесят рублей, – говорит кассирша.

– Картой можно оплатить?

– Плати.

Прикладываю карту, и, о черт, недостаточно средств.

Блин, я же сняла бабки и забыла. Вот растяпа!

Надеюсь, отчим не станет лазить по моим вещам и воровать.

– Извините, – отхожу от кассы с пустыми руками.

Те, кто это видел, будут думать, что я нищесбродка. Неловко вышло.

– Алла!

Оборачиваюсь и вижу профессора Шерханова с булочкой на тарелке.

– Возьми, поешь, – говорит он. – Я оплатил.

– Спасибо. Блин, правда, спасибо, – засунув свою гордость подальше, забираю тарелку из его рук и усаживаюсь за

стол.

Жду, когда он отойдет подальше, и вгрызаюсь в мякоть зубами. Кайф... Еще бы стаканчик кофе, но это уже роскошь. Обойдусь и так.

А профессор Паскуда не такой уж и паскуда, думаю. Промолчал о вине, булку купил. Есть в нем что-то человеческое все-таки.

Доедаю все до последней крошки, беру тарелку, чтобы отнести ее в окошко для мойки. Прохожу мимо Шерханова, пьющего кофе и прокручивающего какой-то скучный документ на смартфоне.

Он поднимает на меня глаза, наши взгляды встречаются. И вдруг я чувствую что-то такое, чего раньше при встрече с ним никогда не чувствовала. Как будто после того, как я покаталась в его машине, между нами образовалась какая-то тонкая ниточка.

– Я перед вами в долгу, – говорю тихо. – Если что-то будет нужно... – неожиданно краснею, – то обращайтесь.

Глава 4

Надеюсь, Шерханов не подумал, что я предлагаю ему себя, иначе у меня будут проблемы. По какому поводу он может ко мне обратиться, блин? Зачем я это сказала?

Стараясь не шуметь, захожу домой. Возьму вещи, деньги и поживу где-нибудь, пока мать не вернется.

Захожу в свою комнату и вижу на постели... купюры номиналом в сто-пятьсот рублей, разбросанные по покрывалу.

Это не мои. Значит... Отчим исполнил свою гадкую угрозу и притащил бабки, чтобы меня купить!

Лицо краснеет от гнева, мне становится жарко и противно.

Начинаю собирать деньги, чтобы швырнуть их засранцу в лицо. Сколько тут – три-четыре тысячи? Как же дешево он меня оценил!

Думает, что я сплю с мужиками, урод. Один поцелуй в губы с третьекурсником на вечеринке – это и всё, чем я могу похвастать. Вот и все мои любовные подвиги!

– Что ты делаешь? – спрашивает Виктор, подкрадываясь ко мне со спины.

Вздрагиваю и резко оборачиваюсь.

Вашу ж...

Даже икаю от неожиданности.

Виктор голый, абсолютно голый. На нем ничего нет. Ни

носков, ни трусов. Еще и весь одеколоном облит. Фу!

– Забери свое бабло, – пихаю ему в руки то, что удалось собрать. – И оденься. Мне смотреть на тебя стыдно.

– Это твои деньги. Бери.

– Я от тебя ничего не возьму.

– Нет, возьмешь, – снова рассыпает их веером на кровати. – Я трахну тебя, Алка, прямо на бабках. Как самую конченную шлюху.

– Я не шлюха. Я сейчас соберу вещи и уйду. Мы вдвоём не уживемся здесь.

– Я не пущу. Останешься дома.

– Я спрашивать не буду. Поставила перед фактом – и всё, – начинаю собирать вещи.

Виктор грубо вырывает у меня из рук толстовку и валит на кровать.

– Пусти, сволочь! – начинаю отбиваться.

– Сразу трахнуть или сначала отсосешь? – врезается стоячим членом в мое бедро.

– Пошел на хрен! Только тронь! Я на тебя заяву накатаю. Будешь за решеткой гнить!

– Не накатаешь. Я буду давать тебе деньги, каждый раз.

– Засунь себе их в ...!

– За что я люблю тебя, Алка, так это за твой длинный язык. И за него же накажу! – пытается сорвать с меня джинсы.

Раньше они с меня спадали, но пока я жила одна, немного

поправилась. И сейчас они крепко сидят на мне, мои спасители.

Но что-то надо придумать!

Как отвадить раз и навсегда этого похотливого урода?!

Знаю!

Под подушкой у меня есть сюрприз для него. Надо как-то исхитриться и забрать эту штуку.

– Подожди, Вить. Подожди, не спеши!

Он чувствует перемену в моем голосе и притормаживает с раздеванием.

– Не так быстро. Ладно? И не так грубо...

– Ладно. Что ты предлагаешь? – спрашивает насторожено.

– Давай, я тебе сначала... Ну, это самое.

– Что это самое? – переспрашивает хрипло.

– Ты ложись, ляг, – скидываю его в себя, и он без сопротивления оказывается лежащим на спине.

Наверняка он думает, что я сломалась и сейчас устрою ему разогрев. А я и устрою такой ему разогрев, что на всю жизнь запомнит!

Незаметно для него забираю из-подушки зажигалку, которую спрятала вчера вечером. На случай, если вдруг ночью услышу шорох, чтобы подсветить комнату. Как хорошо, что я вспомнила про нее!

– Вить, закрой глаза, я стесняюсь.

– Алка... – рычит угрожающе, – если ты что-нибудь задумала, знай – тебе будет плохо. Я всю душу из тебя вытрясу.

– Ничего я не задумала. Давай закрывай, иначе ничего не будет! Сбегу и матери позвоню. Она приедет и выгонит тебя отсюда пинками.

– Хватит болтать, приступай!

Виктор закрывает глаза и расслабляется в ожидании удовольствия.

До свершения мести осталось
три,
два,
один....

Мысленно перекрестившись, подношу зажигалку к его небритым яйцам и чиркаю. Пламя неожиданно вырывается такое сильное, что пах отчима мгновенно воспламеняется!

Ох-ре-неть!

Отчим вскакивает с постели с дикими воплями и пытается потушить пожар между ног. Хлопает себя по причиндалам, чтобы сбить огонь.

– Алка, помоги! Ты что наделала! Я убью тебя!

Завоняло жжеными волосами и спиртом. Я поняла, почему загорелось так сильно! Боги, этот урод набрызгал себе пах плохим одеколоном, вот спирт и горел так красиво. Сам себе медвежью услугу оказал.

Виктор уносится в ванну, чтобы сунуть подпаленные яйца под холодную воду, а я, не теряя ни секунды, хватаю сумку с теми вещами, что успела туда закинуть, книгу со своими деньгами, телефон и быстро сваливаю.

Из ванной доносятся крики и затем облегчения стон. По-тушил свои яйца! А жаль. Лучше бы все его хозяйство сгорело к чертям собачьим. Таких кастрировать надо, ибо нефиг.

Пока он придет в себя, я уже буду далеко.

Где? Я не знаю. Но точно не дома.

А мать обо всем узнает. От меня.

Прямо сейчас ей и позвоню. Только надо отойти подальше.

Бегу, петляя, по дворам. Бегу, пока не устану.

Опускаюсь на бордюр и набираю мать.

Не берет... Наверное, работает. Да, точно, она только вечером может выходить на связь. Жаль.

Батарея садится, блин. Зарядку не успела схватить.

Так, кому звонить?

Но вдруг телефон оживает сам. Это Самира. И чего ей нужно?

– Алоэ?

– Алл, привет. А ты сейчас где?

Смотрю на себя как бы со стороны: напуганная девчонка в джинсах и футболке, пропитанная хреновым мужским одеколоном, со светлыми растрепанными волосами сидит на бордюре, прижав к себе сумку с пожитками.

Да это я. Моя новая реальность.

– Лучше не спрашивай, – отмахиваюсь.

– Алла, а что случилось?

– Да ничего.

– Ладно, не хочешь, не говори. Я просто хотела сказать тебе спасибо.

– Да ладно, проехали уже. Извини, я отключаюсь, батарея сейчас сдохнет.

– Подожди... Моего папы нет дома, можешь прийти ко мне? Я хочу тебе кое-что показать. Это очень важно для меня.

– Ладно, – пожимаю плечами, как будто она могла видеть меня. – Адрес скажешь?

Самира диктует адрес, и я прямо во время разговора вбиваю его в приложение такси. Ого, прилично ехать и по карману поездка ударит. Но раз у нее что-то важное там, и мне некуда податься – я поеду.

Глава 5

Такси останавливается возле нужного мне дома, точнее сказать – домины! Сразу видно, что здесь живут очень богатые люди. Профессор Паскуда не берет взятки. Тогда как ему удалось разбогатеть? Может в семье богатой родился и имел хороший старт?

Неважно. Я немного удивлена, и всё.

Нажимаю на кнопочку домофона. Прямо над головой висит камера. Ого, все серьёзно. Фейс-контроль, и мышь не проскочит.

Охранник отпирает калитку, из дома выбегает Самира.

– Асхаб, это ко мне!

– Ваш отец не предупреждал, что у вас будет гостья.

– Я ему уже позвонила. Он сейчас занят, не может тебе позвонить. Передал, чтобы ты впустил ее.

– Я не могу, у меня инструкции, – бубнит охранник.

– Впустишь – или будешь уволен!

А у Самиры неплохо получается командовать дома слугами. Здесь она чувствует себя куда увереннее, чем в институте.

Асхаб молча отступает, и я вхожу.

Самира подхватывает меня под руку и ведет в дом.

Внутри, конечно, все так же шикарно, как и снаружи. Стараюсь не пялиться и не удивляться. Делаю вид, что такие

роскошества для меня обычное дело.

– Пойдем в мою комнату!

Спальня Самиры размером с нашу квартиру. Яркая мебель, игрушки, статуэтки, книги, шкафы. Стильно, мило.

– Как тебе? – спрашивает подруга, наблюдая за моей реакцией.

Думаю, свой дом она и хотела мне показать, чтобы я рассказала в ВУЗе о том, что видела. Хорошая попытка избавиться от травли, но нет. Я не буду сплетничать.

– Уютненько, – отвечаю я, падая в кресло грушу белого цвета. – Ничего, что без разрешения села?

– Ну что ты, Алл, садись, куда хочешь.

– Так что ты мне хотела показать?

– Смотри, – Самира одним движением стаскивает с головы платок, и ее шелковистые каскадом рассыпаются по плечам. – Видишь? Некоторые сплетницы с учебы говорят, что я ношу платок, чтобы спрятать свои сальные и невымытые волосы. Но я мою голову каждый день и ухаживаю за волосами! Дома мы ходим без платка.

– Это у тебя кератин? Красиво!

– Нет, просто дорогой уход. Я хотела показать тебе свои волосы, чтобы ты рассказала подругам.

– За волосы могу замолвить словечко, – киваю. – Они у тебя действительно шикарные.

– Хочешь, я подарю тебе комплект для ухода? Будут такими же гладкими.

– Спасибо, но мне сейчас как-то не до волос. Потом как-нибудь покажешь, что там у тебя за чудо-уход.

– Ты не сказала, что у тебя случилось, – Самира делает грустное лицо. – Тебя кто-то обидел? Почему ты с сумкой?

– Я ушла из дома.

– С мамой поссорилась?

– Неа, с отчимом, – отвечаю неохотно. – Извини, что от меня воняет им.

О Викторе знают лишь мои близкие подруги, и им строго настрого запрещено болтать о нем. Я не хочу, чтобы сокурсники думали, что я из неблагополучной семейки. Я этого не вынесу. Я хочу быть классной, общительной, модной. Платить в кафе, не глядя на счет. Купить спонтанно понравившуюся вещь. Но пока мне все это только снится.

Денег вечно не хватает. Мать тратит много на себя и на мужа. Я беру подработки, но там платят настолько мало, что свои хотелки я пока не могу удовлетворить. Так и живем.

– Что он сделал?

– Я сделала.

– Ты?! – аккуратные брови Самиры взлетают вверх.

– Да, я подожгла ему яйца зажигалкой, – отвечаю со злорадством в голосе. – Красиво горел, чертяка.

– Алла! – Самира прыскает со смеху, но потом спохватывается, – прости, я... Я не должна смеяться! Наверняка он сделал что-то плохое, что ты решилась на такую смелую вещь. Для мужчины это ужасное унижение. Он будет мстить

тебе.

– Да я знаю, – вздыхаю. – Жду, когда вернется мать с вахты, и нас рассудит.

– А когда она приедет?

– Через две недели вроде как.

– И где же ты будешь жить эти две недели?

– Не знаю. Еще не придумала.

– Оставайся у нас.

– Ты что! Твой отец не будет рад этому.

– Я с ним поговорю.

– Только не рассказывай про отчима. Самира, пообещай!

Он не должен знать, что я сделала. У меня и так проблем выше крыше.

Если Профессор Паскуда узнает про мой поступок, то будет считать меня чокнутой идиоткой. После обещания декану, он станет наблюдать за мной как коршун. Одна ошибка – и я вылечу из института.

– Хорошо, я не скажу ему. Да мне и самой стыдно говорить папе о таких вещах, – краснеет.

– А когда он вернется?

– Ночью. Но я поговорю с ним завтра утром. Ложись в мою кровать, а я лягу на диване.

– Ну что ты! Я не хочу тебя стеснять. Сама лягу на диване.

– На Кавказе гостям дают все самое лучшее, так что не спорь. Я велю прислуге поменять белье. Будешь спать в моей постели. Тебе нужны какие-нибудь вещи? У меня полно вся-

кого шмотья, которого я никогда в жизни не надену. Просто покупаю, примеряю и вешаю обратно в шкаф...

Самира открывает шкаф, берет вешалку с платьем, которому может позавидовать любая поп-звезда, и прикладывает к себе.

– Красивое! – говорит она.

– А почему ты не можешь надеть его?

– Отец не позволит. А когда я выйду замуж – не позволит носить эти наряды уже муж.

– Чё это он не позволит? – меня аж подбрасывает в кресле от негодования. – Зачем тогда выходить за такого запрещающего?

Самира улыбается и отвечает:

– Жениха мне выберет отец, когда я получу диплом. Конечно, он будет не отсюда, а с нашей родины, моей национальности. Девушка не может выбрать себе мужа, потому что она никого не знает. А папа знает все хорошие семьи.

– Слушай, хорошая семья еще не гарантия того, что мужик попадется нормальный.

– Это правда. Мне остается только молиться Аллаху, чтобы папа не ошибся в выборе.

Ловлю себя на мысли, что моя жизнь не такая уж и плохая. Вон Самира, выйдет замуж по принуждению за незнакомца и собирается молить своего Бога, чтобы мужичок оказался не гнилой. А мне молиться никому не надо, я сама себе выберу мужа, если захочу. Но лучше буду одной!

– Давай нарядимся? – предлагает Самира, вытаскивая все свои роскошные платья и складывая их на кровати. – Просто для себя. Выбери себе что-нибудь, отвлечемся немного от грустных мыслей. Примерка дорогих вещей всегда поднимает мне настроение.

А почему бы и нет?

Начинаю копаться в ворохе одежды и выбираю себе маленькое черное платье, расшитое черным жемчугом. Боже, какая красота!

Вот ведь парадокс: я могу носить такие классные вещи, но не могу их купить. А у Самиры все наоборот.

Так, мои растрепанные волосы портят весь вид. Беру сухой шампунь и привожу голову в порядок. Вот теперь другое дело! Больше не выгляжу как жертва домогательств.

Виктор бы слюной изошел, если бы меня увидел сейчас. Скот! Надеюсь, мать скоро увидит его копченые яйца и наконец выкинет его из нашей квартиры!

Из зеркала на нас смотрят две поп-дивы, готовые дать свой концерт. Хихикаем от удовольствия. Прикалываюсь, напевая в расческу песню Бузовой.

– Слушай, у тебя есть микрофон? – спрашиваю у подруги.

– У меня есть всё, – отвечает она и достает из тумбочки новенький микрофон в коробке. – Это мне дядя подарил на день рождения. Давно. Я не пользуюсь им, так как не умею петь.

– А я умею и люблю.

– Спой для меня что-нибудь современное! Пожалуйста.

Самира подключает микрофон к колонке, и я пою для нее песню. В самый разгар вечеринки в комнату входит Булат Муратович и выключает колонку.

Ой, что-то сейчас будет!

Глава 6

– Пап, ты уже вернулся? – говорит Самира.

Профессор Паскуда разглядывает меня, сложив руки на груди. В его взгляде читается презрение и вопрос: «Как ты, Астахова, посмела прийти в мой дом?»

– Да, вернулся.

– А мы с Аллой...

– Я вижу, чем вы здесь занимаетесь. Астахова, можно вас на два слова?

– Пап, пожалуйста. Я пригласила ее к нам, это важно для меня.

– Переоденься, Самира! – гаркает на нее отец, я шумно выдыхаю, едва справляясь с желанием звездануть ему по лбу. Ну как он с дочерью себя ведет, а? Тиран, настоящий деспот. Говнюк.

– Куда идти-то? – спрашиваю у него.

– В мой кабинет.

– Как будто я знаю, где это, – фыркаю в ответ.

– Правое крыло.

– А мы сейчас в каком?

У Шерханова такой вид, будто он собирается меня придушить. Ну а что? Я правда потерялась в их огромном доме. Уже не помню, как сюда шли.

– Иди за мной, – бросает коротко.

Иду, пялясь на его спину. Сегодня он без своего традиционного костюма. На нем белый лонгслив и джинсы. Одежда обтягивает его крепкую, но стройную фигуру. И в который раз глядя на него, думаю, что мне нравятся такие мужчины. Не широкие, не перекачанные.

Хм... мне могут нравиться мужчины?

Уж точно не профессор!

Этот человек хоть и имеет привлекательную внешность, но характер и натура... просто жуть!

– Ты не можешь дружить с моей дочерью, – категорично заявляет профессор Паскуда, когда мы оказываемся в его кабинете.

Внутри пахнет деревом и хорошим парфюмом.

– Я пытаюсь привить ей традиционные ценности. А ты ее развращаешь!

– Я?! Вы в своем уме? Что я такого сделала? Песенку спела – это разврат?

– Ты как разговариваешь со старшими? – мечет в меня молнии. – Сразу видно, что ты невоспитанная девушка. Дерзишь! По ночам в юбке короткой шляешься, напоказ себя выставляешь, – оглядывает меня презрительно.

Это он решил припомнить мне встречу у ресторана? Ничего я не выставляю себя напоказ! По местным меркам одеваюсь скромно, не как шлюха. А, по его словам, я прям шалава, которая только и ждет, когда ее трахнут! Козел!

– Здесь не ваша родина, чтобы все заматашками ходи-

ли! – выпаливаю сердито и тут же прикусываю язычок под его гневным взглядом.

Упс, Алла, перебор! А то сейчас вышвырнет тебя отсюда, что будешь делать? Лучше помолчи. Пусть говорит, что хочет – не реагируй! Ты зависишь от него. Помни об этом!

– Рот закрой и послушай сама! К моей дочери подойдешь только после того, как станешь послушной, нормальной девочкой.

– Я нормальная!

– Ты сейчас стоишь и препираешься со мной, человеком, который в два старше тебя. Ты смотришь мне в глаза, повышаешь голос. Тебе ни капельки не стыдно. Ты сама себе на уме.

– А почему мне должно быть стыдно?

– Держись подальше от Самиры. Я не хочу, чтобы ты сбивала ее с толку. С ней и так... сложно. Не усугубляй.

– Хорошо, как скажете.

– Завтра после пар подойдешь в мой кабинет. Я лично проверю твои... знания. А теперь иди домой и учи все пять тем. Я не шучу, спрошу любую и, если не сможешь ответить – мне придется поставить в известность декана. Ты ведь слышала мое обещание.

– За что вы меня так ненавидите? Что я сделала? Уронила на вас банку – поэтому вы так на меня закусились?! Это была случайность! Простите!

Ниточка, которую я почувствовала в столовой, оказалась

ложной. Он меня ненавидит. Презирает. Считает плохой. Он даже по имени меня никогда не называет, всё Астахова, да Астахова.

– Иди домой, Астахова. Вечеринка закончилась.

Ну вот, пожалуйста... О чем и говорю.

– Хорошо, только сумку с вещами возьму наверху.

– С вещами? – на его лице отражается озадаченность.

– Да неважно.

Выхожу из кабинета Шерханова и в нерешительности застываю. Куда идти? Зачем строить такие дома-лабиринты? Архитектор явно был пьян, когда делал проект.

– Направо, – подсказывает Булат Муратович, стоя в дверях.

Искать нужную дверь мне не приходится, Самира уже стоит в коридоре.

– Что он тебе сказал? – бросается к мне.

– Я поеду.

– Он тебя выгнал, да?! Ты сказала ему, что ты ушла из дома?

– Нет, Самира, не надо, умоляю. Ну что он подумает обо мне, представь только?

Я всеми силами хочу казаться нормальной, но профессор подмечает все мои промахи. Любую ситуацию он может вывернуть не в мою пользу. Особенно ситуацию с отчимом. Эту постыдную грязь вообще никто не должен знать!

– Я поговорю с папой. Подожди, никуда не уходи! – по-

друга решительно идет в сторону отцовского кабинета.

– Самира, блин...

Захожу в ее комнату и, пометавшись туда-сюда, беру в руки телефон. Смена матери уже закончилась. Надо попробовать дозвониться!

Прикрываю дверь и набираю ее номер.

– Алло, мама? – радуюсь ее голосу, но вдруг слышу:

– Ты мне больше не дочь!

Сердце обрывается и падает в пропасть.

– Что, мам? Почему? Что случилось?

– И ты еще спрашиваешь? – выдыхает она. – Виктор мне всё рассказал!

– Тогда почему ты... Я же не виновата ни в чем... Он сам...

– Он всё мне рассказал! Как приехал с вахты и увидел, во что ты превратила квартиру! Устроила там блат-хату. Бутылки батареей стоят, вонь от курева, водишь домой непонятно кого! А я так верила тебе, думала, что у меня нормальная дочь, в институте учишься, а ты, поганка такая, у меня еще получишь! Я за твое образование плачу, а ты...

– Мама, стой! Он врет! Слышишь – врет!! Пожалуйста, выслушай, меня! Он вернулся и начал приставать ко мне, я отказ...

– Ты сказала ему, что за деньги – да! Хорошо, что он просто проверку тебе устроил и не собирался с тобой спать. Ты мне не дочь больше, Алка! Виктор мой последний шанс, а

ты, потаскуха такая, о матери даже не подумала, когда соблазнила его! Хорошо, что он выгнал тебя, такую дрянь.

– Я ушла сама! А твой муженек та еще лживая скотина! Ты веришь ему, и не веришь мне? Знай, мама, когда-нибудь ты пожалеешь об этом!

– Алка!

Бросаю трубку и захлебываюсь слезами. Я всеми силами хочу быть хорошей, а собственная мать наговорила мне таких ужасных слов. Мать, Виктор, профессор – все они почему-то видят во мне то, чего у меня нет! А я знаю! Они видят во мне собственные пороки, к которым я не имею никакого отношения!

И лишь единственный человек, который знает меня настоящей – это Самира. А меня хотят лишить дружбы с ней. Это несправедливо! Несправедливо!

Глава 7

Шерханов

Дочь вбегает в мой кабинет, даже не спросив на то разрешения. Ясно, что пришла за подружку просить. Но разве я могу допустить, чтобы эта девушка дружила с Самирой? Ответ: нет.

– Папа, разреши Алле остаться у нас! – требовательно просит дочь.

– Нет.

– Но, пожалуйста, она...

– И не проси, Самира. Астахова не годится тебе в подруги. Она пьет алкоголь, дерется с мальчишками, плохо учится. Не может быть и речи, чтобы ты общалась с такой девушкой. Чему она тебя научит?

– Отец, Алла ушла из дома.

– Это еще почему? – спрашиваю хмуро.

Что опять случилось у этой девчонки по имени Неприятность?

– Она поссорилась со своими домашними, – робко отвечает Самира, опуская глаза. – Они выгнали ее. И теперь ей некуда идти.

Я тяжело вздыхаю. Вот тебе и Неприятность. Разве хорошего человека могут просто так выгнать из дому? Что-то тут нечисто.

Сколько раз я говорил Самире, чтобы держалась подальше от этой девчонки? Но сердце ребенка не обманешь. Самира всегда была сердобольной, готовой помочь каждому, кто в беде. Ну вот, теперь эта беда стоит на пороге моего дома.

И что мне делать?

Выгнать Астахову, чтобы она разделила привокзальную площадь с бомжами? Это уж как-то слишком!

– Умоляю, пап. Не выгоняй Аллу. Пусть она останется.

– Хорошо, но только сегодня. И пусть располагается в комнате для гостей.

– Спасибо! Я пойду, скажу ей.

Самира уносится прочь, а я встаю и подхожу к окну. На улице накрапывает дождик. Куда бы она сейчас пошла? Искать приключения на свою задницу?

Я, кстати, не знаю, с кем она живет. Астахова о себе не особо распространяется.

С первого же занятия я заметил эту девчонку с белыми волосами.

Она выделяется из общей массы. И не только внешностью. В ней чувствуется стержень. При этом взгляд у нее настороженный, как у дикого волчонка.

Астахова всегда садится на последний ряд и почти не задает вопросов. Но когда я прошу ее ответить, она выдает такие глубокие и оригинальные мысли, что я невольно заслушиваюсь. О таком не прочитав в учебниках, к этому можно

только прийти самостоятельно.

И при всем этом девчонка ведет разгульный образ жизни! Вот где ее голова? Не глупая ведь, а ведет себя по-дурацки. Ремня, видимо, некому дать.

Я запрещаю себе думать о ней. Запрещаю даже смотреть в ее сторону лишний раз. Запрещаю называть ее по имени. Потому что... Не могу. Нельзя.

Когда я сегодня вошёл в комнату дочери, Астахова пела. У нее приятный голос, и я невольно заслушался. Потом, конечно, мысленно отхлестал себя по щекам и потянулся к колонке, чтобы выключить ее. Я не ожидал увидеть студентку в своем доме.

Телефонный звонок отвлекает меня от раздумий. Жанна. Она хочет отношений, а я... не хочу от нее ничего. Отключаю звук. Потом перезвоню. Сейчас я слишком взволнован, чтобы вести разговоры с коллегой. Буду слишком рассеян. Потому что, черт возьми, та самая девчонка, которая чем-то зацепила меня, сейчас находится в моем доме!

Нахрена я велел ей прийти завтра в мой кабинет? Оценить знания, верно. А если она не справится? Я не хочу быть соучастником отчисления Астаховой из института. Если это случится, то пусть только по ее вине.

Знаю, знаю, как студенты меня называют – Профессор Паскуда. Они считают меня плохим, дотошным, злым. Девушки пытались решить проблему с зачетами своими молодыми телами, но я не из тех преподавателей, которые из-за

похоти ставят свою карьеру под удар.

Один невинный поцелуй со студенткой – и можно прощаться с рабочим местом, заодно и с репутацией.

Нет уж. Спасибо.

Я прекрасно могу удержать свой член в штанах.

Если припрет, уж лучше поеду к Жанне. Но пока не приперло.

Потому что не представляю, как можно трахать человека, к которому ты не испытываешь чувств. Это невкусно.

Решаю посмотреть, чем заняты девушки.

Тихо подхожу к комнате Самире, дверь приоткрыта.

– Она даже не выслушала меня, – всхлипывает Астахова.

Она что, плачет? Похоже, случилось что-то серьезное. Никогда не видел плачущую Астахову.

– Как будто я грязь под ее ногтями...

Самира бормочет что-то успокаивающее. А мне хочется узнать подробности, но не решаюсь войти и задавать вопросы. Девчонка только закроется. Потом лучше расспрошу дочь, она не посмеет мне соврать.

Отхожу от двери и иду в свою спальню.

На прикроватной тумбе стоит фотография моей покойной жены, и я некоторое время смотрю на нее немигающим взглядом.

Всегда думал, что мы вместе состаримся. Что она единственная женщина в моей жизни. Мы женились рано, в восемнадцать лет. Договорной брак, но счастливый и удачный.

Мы полюбили друг друга с первой встречи. До супруги у меня никого не было.

В девятнадцать уже родилась Самира. Потом неудачная беременность сыном и последующие проблемы по женской части. Я всегда мечтал и сыне, но понимал, что не имею право требовать от жены родить его любой ценой.

А потом Лайла... так звали мою жену, проходила мимо стройки, и на нее рухнула бетонная плита. Страшная трагедия унесла ее жизнь.

Я решил уехать с Кавказа, как раз предложили место в институте. Уехал, не думая, потому что больше не мог жить в своем городе, проезжать мимо того дома, где она... Это невыносимо больно.

Я заменил Самире и мать, и отца. И всё, чего я прошу – это послушания.

Я должен уберечь дочь от всего, что может навредить ей.
Я должен уберечь ее от Аллы Астаховой любой ценой...

Глава 8

Просыпаюсь утром, не сразу поняв, где я. Ах да, дом профессора Шерханова. Ну и занесло же меня! Чудом не выгнал вчера, видимо Самира наобещала отцу, что будет паинькой и не станет со мной общаться.

Ведь этого же он хочет? Обезопасить ее от меня.

Тяжело играть навязанную роль. Роль плохой девочки. Такое чувство, что окружающие именно этого и хотят. Хотят, чтобы я была ничтожеством без принципов и морали. Таких легче осуждать и возвышаться самим.

Меня положили в гостевой комнате, и я решительно не знаю, где здесь ближайший душ. В таком огромном доме их наверняка несколько.

Толкаю рандомную дверь, и моим глазам предстает необычная картинка.

Профессор Шерханов в одном полотенчике, обернутом вокруг бедер, стоит перед зеркалом с подсветкой и чистит зубы. Мои глаза моментально подмечает все детали: что щетка электрическая, что у него безупречная мускулистая грудь и ровные ноги без жуткой растительности. А хотелось бы думать, что кривые и волосатые.

Вижу так же свое отражение: спутанные волосы и заплывшие глаза. Я как дура полночи ревела из-за матери.

Собственный никудышный вид приводит меня в чувство,

я бормочу извинения и ретируюсь.

В коридоре натыкаюсь на пожилую экономку Тину, которая вежливо препровождает меня в другой санузел.

Неужели я ввалилась в его личный? Извините, плана дома у меня нет на руках. Не знаю, куда идти, чтобы не наткнуться на голого профессора.

Решаю отказаться от завтрака и сразу же ехать в институт. Еще рано, но ничего, я подожду. Перекушу булкой и кофе куплю в автомате на углу.

– Астахова, – слышу грозный голос Булата Муратовича и вздрагиваю. – Ты куда собралась?

– Спасибо за приют, мне пора.

– Ты не завтракала.

– Да я не хочу.

Не хочу сидеть в натянутой обстановке. Пусть спокойно поедят без меня.

– Это даже не обсуждается. Правила моего дома велят отпускать только сытых гостей. Ты моя гостья.

– Вовсе не ваша.

– Гости моей дочери, мои гости, – отвечает он спокойно, но видно, как его раздражает мое присутствие. – Так что проходи в столовую и оставь эту сумку здесь. Никто ее возьмёт.

Побег не удался. Штош. Завтрак в богатом доме лишним не будет. Сэкономлю аж сто рублей (сарказм).

Иду за ним. Шерханов уже в костюме, а у меня перед глазами так и стоит картинка, как он в одном полотенце. Его

лицо освещено мягким желтым светом зеркала и кажется таким добрым. Бли-ин! Это просто было неожиданно.

Булат Муратович совершенно не добрый, просто хорошо воспитанный. Готов ради дурацких правил терпеть за столом присутствие постороннего человека.

Сажусь как можно дальше от него, чтобы сильно не раздражать и кладу руки на стол, как прилежная девочка.

– А... эм... Самира? – вскидываю на него вопросительный взгляд.

– Ей нездоровится.

– Вот как?

Значит, мы будем завтракать вдвоём? Мамочки...

Экономка подает завтрак: огромную тарелку с яичницей, какой-то небольшой колбаской, нарезанными овощами и зеленью.

Сглатываю голодную слюну. Это выглядит очень аппетитно.

Перед Шерхановым ставят точно такую же тарелку, и он приступает к еде, делая вид, что меня нет.

Я делаю то же самое.

В конце концов мы не обязаны с ним мило беседовать.

Покончив с едой, пью кофе из красивой чашки.

Профессор листает что-то в смартфоне, и мне представляется возможность его рассмотреть.

Между его насупленных бровей пролегла складка. Еще бы! Столько хмуриться. Это его любимое выражение лица.

Интересно, а он умеет улыбаться? Вот бы посмотреть на это.

Что-то он сильно молод для профессора, не иначе как за особые заслуги дали чин. Он дотошный и умный, такие люди могут пробиться, куда угодно.

Внезапно, Булат Муратович поднимает на меня глаза, и я не успеваю отвести взгляд. Поймал.

– Мне пора! – вскакиваю со стула, как ошпаренная.

– Раз уж я еду туда же, куда и ты, могу подвезти, – бросает взгляд на наручные часы.

– Не надо. Зачем? – пугаюсь.

Правила дома на машину не распространяются, не так ли?

– Это глупо не воспользоваться шансом.

– Шансом на что? – нервно облизываю губы.

– Блеснуть знаниями в дороге. В пробке у меня будет время выслушать тебя.

– Я не выучила ваши темы.

– Темы я буду спрашивать на занятии.

– Тогда знаниями чего мне представится возможность блеснуть в дороге? – пытаюсь его подловить.

– Не ищи сексуальный контекст там, где его нет. И не заигрывай со мной.

– Я заигрываю?! Вы сами предложили сесть к вам в машину!

– Да, предложил. Потому что еду туда же, куда и ты. И если ты продолжишь со мной спорить, то мы оба опоздаем.

– А если нас увидят вместе? Могут подумать что-то пло-

хое.

– Все отлично знают, что профессор Шерханов не крутит романы со студентками. Никто ничего не подумает скверного, – отмахивается.

– Ладно, ваша взяла. Я еду. А что с Самирой?

– Ей нехорошо. Она сегодня останется дома.

Выходим во двор. Машина уже готова к выезду.

– Надеюсь, это не из-за меня?

– Почему ты думаешь, что всё крутится вокруг тебя?

Вот и подтвердилась моя теория, что наше общение закончилось.

Залезаю на заднее сидение и натягиваю на голову капюшон толстовки. Всё, я спряталась от него. Меня нет. Потому что с ним невозможно разговаривать!

Едем некоторое время молча. Затем становимся в пробку, и Булату Муратовичу явно становится скучно. Потому что он затевает разговор:

– И все же, я хотел бы знать, что случилось у тебя дома?

Почему ты ушла? Планируешь ли возвращаться?

– Не планирую, – буркаю в ответ, – пока не вернется мать.

– А что думает по этому поводу твой отец? Ему все равно, где ты?

– Ничего он не думает. Потому что у меня нет отца! – говорю громче и эмоциональнее, чем нужно, тем самым привлекая его внимание к этой теме.

– Ты живешь с отчимом?

– Какая разница?

– Ты общаешься с моей дочерью, и мне важно знать, какая ситуация в твоей семье. Ты ведь делишься с ней личным?

– Не особо.

– Скрытничаешь? Зачем тебе Самира? У тебя много подруг, соответствующих твоему образу жизни. Может быть, через нее ты хочешь договориться о неких предпочтениях для себя? Ничего не выйдет, так и знай.

– Да не нужны мне никакие предпочтения. Я всё сдам. Сама! Вот увидите!

Достал своими подозрениями, козел!

Едва машина останавливается, как я выскакиваю из салона и иду пешком, не глядя в его сторону.

Устроил мне тут допрос с пристрастием, лезет не в свое дело, прикрываясь любовью к дочке. Наверняка он просто любопытный сплетник! Выведает у меня всё и потом будет с носатой Жанночкой обсуждать жизнь студенток. А то и вообще использует информацию против меня.

Если я вылечу с учебы, то точно покачусь по наклонной. Выучу я, блин, предмет Шерханова. И с удовольствием посмотрю, как вытянется его лицо, когда я без запинки расскажу все пять тем! Отныне это моя цель.

Глава 9

Договариваюсь с одной из одногруппниц, что временно перекантуюсь у нее. У Ники Сафаровой родители уехали в отпуск, так что мне несказанно повезло. Потом приедет моя мать с вахты, и я выведу Витюшу на чистую воду. По крайней мере, я живу этой надеждой.

Не может же быть так, чтобы мать выгнала из дома родную дочь, а кобеля-мужика оставила? Я не верю, что моя мама такая! Просто не верю.

На выходных учу темы Шерханова. Зубрю учебник по криминологии без остановки, даже на прогулку идти отказываюсь. Сплю всего несколько часов в сутки. По иронии я успела взять из дома один только этот учебник, потому что хранила в нем деньги.

Понедельник.

Запах старого дерева и пыли, всегда витающий в аудитории 302, щекочет ноздри.

Сердце бешено колотится и стучит в ушах, заглушая тихий шепот одногруппников. Сегодня день икс. День, когда профессор Шерханов решит, чего я стою.

– Астахова, прошу вас, – его голос, низкий и рокочущий, разрезает тишину, как лезвие бритвы.

Встаю, ощущая, как холодеют кончики пальцев. Каждый шаг кажется эхом отдается в висках. Вижу сочувствующие

взгляды друг и ободряюще им подмигиваю.

Подхожу к кафедре, стараясь сохранять невозмутимость. Булат Муратович, как всегда, непроницаем. Его глаза – два темных омута, в которых тонут все мои надежды на благополучную сдачу.

Не паниковать, Алла! Я же подготовилась.

Он складывает руки на груди и уступает мне место за кафедрой. Вместо привычных джинсов на мне сегодня строгая юбка и блузка – позаимствовала у Ники, чтобы выглядеть солидно.

– Итак, Астахова. Надеюсь, ваши знания соответствуют вашему внешнему виду. Начнем? – голос профессора, несмотря на вежливый тон, звучит угрожающе.

Киваю, стараясь не дрожать. Заметил мою одежду, надо же. Не зря старалась.

– Первая тема: Криминологическая характеристика личности преступника. В частности, расскажите о влиянии так называемых «факторов риска» на формирование преступного поведения.

Делаю глубокий вдох, прочищаю горло и отвечаю:

– Факторы риска, профессор, – это совокупность обстоятельств...

Он внимательно слушает меня, не перебивая. Хм... Кажется, удовлетворен моим ответом. Я уже немного выдохлась, а это только начало.

Что же будет дальше?

– Хорошо. А теперь углубимся. Как, по-вашему, взаимосвязаны генетическая предрасположенность и криминальное поведение?

– Определенные генетические мутации могут влиять на...
– слова сами вылетают из меня.

В аудитории слышны удивленные вздохи. Даже самые зубрилы из нашей группы молчат, пораженные неожиданным поворотом событий. Держу пари, все думали, что я выйду и растеряюсь. Но у меня сильнейшая мотивация: утереть нос препода и остаться в институте.

– Интересно, – профессор выгибает бровь и листает свою методичку. – Перейдем к следующей теме. Виктимология. Объясните понятие «виктимности» и различные ее виды.

– Общая виктимность, это, например, когда пожилые люди чаще становятся жертвами мошенников. Индивидуальная: молодая женщина, одетая вызывающе и идущая поздно ночью по темному переулку, подвергает себя повышенному риску стать жертвой нападения.

Следует третий, четвертый, пятый вопрос. Каждый сложнее предыдущего, каждый требующий не только знания теории, но и умения мыслить критически.

Профессор спрашивает меня о латентной преступности, о криминологическом прогнозировании, о роли СМИ в формировании криминальной картины мира. Он задает каверзные вопросы, подлавливает на противоречиях, пытается загнать в угол.

Но я стоически держусь и отбиваюсь от его атак знаниями.

Несколько суток я изучала эти темы, и меня так просто не взять. Адреналин, плещущийся в крови, позволяет мне отвечать на любой его вопрос. Мозг генерирует ответы с бешеной скоростью, словно зная, что скоро мучение закончится.

В аудитории воцаряется звенящая тишина. Студенты заворуженно следят за нашей дуэлью. Они не ожидали, что драчунья Алла Астахова способна на такие познания. Криминология считается сложным и скучным предметом, и никто ее не любит.

Булат Муратович смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом. Замечаю, что на его губах промелькнула едва заметная улыбка.

Это победа?

– Астахова, – говорит он, – вы меня приятно удивили. Считаю, что вы полностью усвоили материал. И можете быть свободны до конца месяца, я поставлю вам зачет автоматом. И, знаете, – добавляет он, – иногда внешность и поступки бывают обманчивы.

Забираю учебник, сумку и на негнущихся ногах выхожу из аудитории победительницей. Можно больше не ходить на пары по криминологии, зачет у меня в кармане. Кто молодец? Я – молодец!

Выхожу во двор института, сажусь на скамейку, здесь подожду, когда выйдут девочки. Настроение классное. Я довольна собой и реакцией Шерханова. Я доказала ему, что ум-

на!

Выходят девчонки, и мы обсуждаем мое выступление. Они в шоке, не понимают, как можно выучить пять тем за столь короткий срок. Еще как можно, когда есть мощный стимул.

На последней паре я почти засыпаю. Слава богу, другой препод не замечает этого.

Когда занятия подходят к концу, иду умываться, а потом выхожу из здания. Ну и где Ника? Верчу головой по сторонам.

На улице может ждет, на остановке?

Выхожу за ворота и... попадаю в объятия Виктора.

Вскрикиваю от неожиданности и смотрю на него расширившимися глазами.

Он меня подкараулил.

– Что тебе нужно?

– Не дергайся. Садись в тачку, – в ребро мне упирается что-то твердое и холодное.

Мне так страшно, что я боюсь посмотреть на этот предмет. Воображение рисует пистолет. Откуда у него может быть оружие? Но чем-то же он мне угрожает!

– Я не сяду, я не поеду никуда с тобой. Пусти! – пытаюсь оттолкнуть его.

– Ты, мелкая шлюха, ответишь за все свои проделки! – Виктор хватает меня за руку и тащит в грязную «девятку».

Мне конец.

Я слишком слабая и вымотанная, чтобы оказать достойное сопротивление, а он сильный мужик в бешенстве. Он говорит тем, чтобы наказать меня за унижение и боль...

Глава 10

И вдруг, я вижу спасение в лице профессора Шерханова.

Он выходит из ворот с портфелем в руке, немного задумчивый и рассеянный.

Собравшись духом, что есть сил толкаю отчима и, уронив сумку, со всех ног бегу к преподу. Спотыкаюсь, едва не падаю.

– Спасите меня, Булат Муратович!!! – воплю, бросаясь к нему.

Крепко обнимаю его за талию и прижимаюсь к его твердой груди щекой, как к самому родному человеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.